

**Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г.
в оценках чешских чиновников
(По материалам пражского
Архива Канцелярии президента республики)**

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
220107, Народная 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование

Шевченко К. В. Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г. в оценках чешских чиновников (По материалам пражского Архива Канцелярии президента республики) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 86–94. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

Статья поступила в редакцию 10.02.2021.

Аннотация

В статье анализируется положение исторических земель Подкарпатской Руси и восточнославянского населения данного региона, вошедшего в состав Чехословакии после окончания Первой мировой войны в 1918 г., в оценках чешских чиновников, посетивших регион в течение 1919 г. Предметом особого внимания чешских чиновников было внутривосточное положение, взаимоотношения между различными культурно-национальными течениями среди русинского населения, а также отношение местных русинов к Чехословацкой республике. Большинство чешских чиновников критически отзывались о представителях традиционного русофильского направления среди русинов, считавшего карпатских русинов частью единого русского народа и ориентировавшегося на русский литературный язык и русскую культуру. По мнению чешских чиновников, русофильское течение отличалось провенгерскими симпатиями и нелояльным отношением к Чехословакии. Более приемлемым для Праги, по их мнению, было так называемое «местное», а также украин-

ское направление, которое ориентировалось на местный язык и декларировало лояльность чехословацкому государству. Именно это обстоятельство в значительной степени предопределило политику «мягкой украинизации», которую проводила чехословацкая администрация в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. и которая постепенно способствовала распространению украинской идентичности среди местного населения.

Ключевые слова

Чехословакия, Подкарпатская Русь, чешские чиновники, русины, культурно-национальная политика.

Начало Первой мировой войны и ярко выраженная репрессивная политика австро-венгерских властей в отношении русинов Угорской и Галицкой Руси вызвали подъем национального движения среди карпатских русинов, политические лидеры которых стали разрабатывать принципиально новые сценарии решения вопроса о политическом и государственно-правовом статусе карпаторусских земель после окончания войны. Наиболее последовательно и энергично в годы Первой мировой войны действовали многочисленные организации карпаторусской диаспоры в Северной Америке в силу сложившихся там благоприятных условий; при этом определяющим вектором их общественно-политической активности была идея общерусского единства, доминировавшая в то время среди карпаторусской интеллигенции, которая считала карпатских русинов составной частью триединого русского народа.

Первые проявления политической активности карпатских русинов в ходе Первой мировой войны были направлены на присоединение Карпатской и Галицкой Руси к России. Именно это предусматривалось решениями Русского конгресса в Америке в июле 1917 г., в работе которого приняли участие представители большинства организаций и структур карпаторусской диаспоры в Северной Америке. Однако революционные потрясения и последующая Гражданская война в России сделали российский сценарий решения русинского вопроса нереализуемым. Осенью 1918 г. в политическую повестку дня встал подержанный президентом США В. Вильсоном чехословацкий сценарий решения политической судьбы карпатских русинов. Принципиальная договоренность о присоединении русинских земель к югу от Карпат к Чехословакии на условиях широкой автономии была достигнута в ходе переговоров будущего президента ЧСР Т. Г. Масарика и лидера

диаспоры угорских русинов в США Г. Жатковича в октябре 1918 г. Позже это решение было подтверждено итогами референдума среди карпаторусской диаспоры в Северной Америке, когда около 62 % его участников высказалось за вхождение исторических земель Угорской Руси в состав чехословацкой республики.

Процесс инкорпорации русинских земель к югу от Карпатского хребта в состав Чехословакии начался в январе 1919 г. с появлением на русинских землях первых чехословацких воинских подразделений. С самого начала представители чехословацкой военной и гражданской администрации столкнулись с характерной для данного региона мультиэтничностью и поликонфессиональностью. Ситуация осложнялась и тем, что среди немногочисленной интеллигенции доминирующего в регионе этноса — карпатских русинов — возникло несколько противостоящих друг другу культурно-национальных направлений, вступивших в ожесточенное соперничество между собой и пытавшихся заручиться поддержкой официальной Праги. Источником постоянного беспокойства для чехословацкой администрации в крае было и традиционно большое влияние на местное население со стороны мадьярской и мадьяронской интеллигенции, воспринимавшей вхождение данного региона в состав Чехословакии как временное недоразумение. Все это стало предметом самого пристального внимания прибывших в регион чешских чиновников, которые должны были выработать основные направления внутренней политики в этой стратегически важной для Праги области, граничившей с Польшей, Венгрией и Румынией — союзником Чехословакии по Малой Антанте.

* * *

В своем пространном донесении в министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г., позже переданном в канцелярию президента республики, подпоручик-легионер 66 пехотного полка Шимон Палайда отмечал, что карпаторусская общественность в Карпатской Руси разделена на две основные партии, которые он именовал «русской» и «русинско-мадьяронской». «Русскую партию» Палайда характеризовал как «партию простого народа», прежде всего крестьян¹. По словам чешского офицера, «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре, что лучше всего

1 Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávu podporučíka Palajdy.

доказывает Мармарошский процесс... Крестьяне тайно посещали Россию, чтобы познать там свой братский народ и свою веру, которая преследовалась во времена мадьярского господства»².

Противоположную партию Палайда характеризовал как партию мадьяризованной части карпаторусской интеллигенции и греко-католических священников, значительное число которых являлось убежденными мадьяронами. По наблюдениям подпоручика Палайды, греко-католические священники между собой предпочитают говорить исключительно по-венгерски, считая карпаторусский язык «языком необразованного и неинтеллигентного простонародья»³. В своих донесениях в Прагу Палайда высказывал мысль о том, что чехословацкое правительство, по его мнению, должно безоговорочно поддержать именно «русскую партию», поскольку в случае поддержки «русинско-мадьяронской» партии карпаторусское крестьянство может «потерять доверие к чехословацким властям»⁴.

Приведя ряд конкретных примеров венгерской пропаганды и саботажа со стороны местных венгерских чиновников, Палайда указывал на беспокойство в карпаторусском обществе в связи с возвращением известного мадьярона греко-католического епископа Новака, получившего разрешение чехословацких властей приехать в Чехословакию. По мнению чешского офицера, «епископ Новак, будучи мадьяроном, был и останется врагом карпаторусского народа и духовенства. Такие действия, как допуск епископа Новака и оставление мадьярских и мадьяронских чиновников на их должностях, облегчают работу мадьярам... и поддерживают венгерскую агитацию в Карпатской Руси»⁵. Палайда самым настоятельным образом рекомендовал Праге назначать на административные должности в Карпатской Руси только представителей «русской партии» из данного региона либо из Галиции, а также тех чешских чиновников, которые знают русский язык, поскольку, по его мнению, без знания языка трудно было рассчитывать на доверие со стороны местного населения.

Несколько иную картину положения в Карпатской Руси осенью 1919 г. нарисовал в своем пространном отчете секретарь министерства почт и телеграфа ЧСР доктор Отокар Ружичка, представивший свой доклад руководству министерства 12 ноября 1919 г.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Ibid.

5 Ibid.

В самом начале своего доклада Ружичка, посетивший Подкарпатье в самом начале ноября 1919 г., констатировал крайнюю сложность положения и нарастающий хаос в подкарпатском регионе, подчеркнув острую необходимость проведения четко выверенной политики, без которой, по его мнению, угроза потери Карпатской Руси для Праги была вполне реальной. В отличие от подпоручика Палайды, явно симпатизировавшего местной «русской партии» и призывавшего Прагу делать ставку на русофилов, Ружичка отмечал, что именно деятели «русского направления» более склонны к провенгерской деятельности. По словам чешского чиновника, «у представителей великорусского направления мы обнаружим весьма мало любви и преданности к чехословацкой республике... Они проявляют свою преданность лишь внешне, но их агитация в народе и их собрания убеждают нас в обратном»⁶.

По мнению Ружички, «местное направление», к наиболее видным представителям которого он относил Волошина и Жатковича, «в наибольшей степени соответствует интересам нашей республики; общегосударственные интересы полностью говорят в пользу местного направления»⁷. При этом, как подчеркивал высокопоставленный чешский чиновник, «украинское направление было бы для нашей республики также нездоровым»⁸. Ружичка обращал особое внимание на различные языковые предпочтения противостоящих друг другу карпаторусских групп. «Если великорусское направление использует великорусский литературный язык, — отмечал Ружичка, — то местное направление в языковом вопросе придерживается компромисса, используя малорусский язык, т. е. местное наречие, с великорусским правописанием»⁹. Ссылаясь на опыт своих личных контактов с местным населением, секретарь чехословацкого министерства почт и телеграфа отмечал, что, по его мнению, местный русин на практике лучше понимает чешский, а не русский литературный язык.

Еще более критические отзывы о представителях «русского направления» в Карпатской Руси содержались в отчетах инженера Яромира Нечаса, известного политического публициста и активиста чешской социал-демократической партии, некоторое время работавшего в аппарате первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича.

6 АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1. Ministerstvo pošt a telegrafů — úprava poměrů v Rusínsku.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 Ibid.

Нечас резко раскритиковал представителей «русского направления» в Карпатской Руси за то, что он воспринимал как насильственное навязывание русского литературного языка населению и отрыв от этноязыковых реалий карпатского региона. Более того, уничижительной критике Нечаса «за чрезмерную русофилию» подверглись и некоторые высокопоставленные чешские чиновники в Подкарпатской Руси. «Нынешнее региональное правительство в Ужгороде вводит на всей территории Русинии чужой, непонятный населению великорусский язык, — утверждал Нечас в своем отчете в Прагу, датированном 2 ноября 1919 г. — Тем самым усложняется и без того запутанный языковой вопрос и возбуждается негативная реакция подкарпатских русинов. Правительственные газеты “Русская земля” и “Русское слово” народ не понимает. По-великорусски понимают и говорят лишь те чиновники из Галиции и Буковины, которых наше правительство взяло на службу»¹⁰.

В своем последующем донесении в канцелярию президента республики 20 ноября 1919 г. Нечас обрушился с резкими нападками на главу чехословацкой гражданской администрации в Подкарпатской Руси доктора Брейху, который, по словам Нечаса, «проводит партийную политику, окружил себя камарильей старорусов из Галиции и Буковины и без колебаний выступил против представителей местного русинского направления»¹¹. Обвиняя карпаторусских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», Нечас призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции», а также проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы¹².

Данные настойчивые рекомендации Я. Нечаса были услышаны и приняты к сведению политическим руководством Чехословакии. В дальнейшем практическая политика официальной Праги в отношении Подкарпатской Руси в большей степени ориентировалась именно на рекомендации Нечаса, который, сделав успешную политическую

10 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Karton 1. Ing. J. Nečas — školská otázka.

11 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1. Zpráva ing. J. Nečase o poměrech na Podkarpatské Rusi.

12 Ibid.

карьеру, в 1920-е гг. работал в канцелярии президента республики, курируя там вопросы, связанные с Подкарпатской Русью и оказывая серьезное влияние на практическую политику чехословацких властей в данном регионе. Это обстоятельство в значительной степени объясняет курс официальной Праги на «мягкую украинизацию» восточнославянского населения Подкарпатья в 1920-е гг., что наиболее рельефно проявилось в области культуры и образования.

Тесные контакты с украинским движением в межвоенный период официальная Прага поддерживала не только в культурно-образовательной сфере, но и по более деликатной линии спецслужб. По свидетельству хорошо информированного советского разведчика П. Судоплатова, «в Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем отношения еще со времен Первой мировой войны. Однако когда ОУН “вышла из-под контроля” властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения ухудшились»¹³. Отмечая политическую разнородность сил, сотрудничавших с украинскими националистами, Судоплатов констатировал, что поддержку украинскому националистическому движению «оказывали Гитлер в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Дольфус»¹⁴.

Однако в долговременной перспективе заигрывание с украинским направлением в регионе оказалось для Праги контрпродуктивным. Практически неизвестное к 1919 г. украинское движение в Подкарпатской Руси постепенно усилилось, пустило корни и, завязав контакты со спецслужбами Германии после установления там нацистской диктатуры, внесло свою немалую лепту в дестабилизацию положения в Чехословакии в трагические для республики 1938–1939 гг.

* * *

Впрочем, в то время как чешские чиновники внимательно изучали крайне сложное положение в Карпатской Руси, пытаясь определить вектор оптимальной политики в регионе, карпаторусские деятели и общественность довольно быстро разочаровались в реалиях чехословацкой политики. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии после «Великой войны», их недовольство политикой чехословацких властей стало проявляться уже с весны 1919 г. Так, председатель Кар-

¹³ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1999. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 157.

пато-русской народной рады в Прешове А. Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР К. Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского народа на его собственной земле»¹⁵, критикуя местных чиновников за «шовинизм», а также за «преследования и угрозы» в адрес карпаторусского населения¹⁶. Примечательно, что именно А. Бескид и возглавляемая им Карпато-русская народная рада первыми среди прочих карпаторусских структур четко заявили о своей чехословацкой ориентации.

Серьезным источником недовольства Прагой со стороны русинов была и проводимая чехословацкими властями политика «мягкой украинизации» русинского населения, ярко проявившаяся в 1920-е гг. в сфере образования и вызвавшая, по словам русинских активистов, «языковую войну»¹⁷. В свою очередь, чешская общественность была крайне недовольна недопустимо высокой, с ее точки зрения, степенью мадьяризации карпаторусской интеллигенции, особенно учителей¹⁸. Подобные трения, то сглаживаясь, то вновь обостряясь, продолжались на протяжении всего межвоенного периода, отразившись в карпато-русской и чехословацкой прессе этого времени.

Источники и литература

Думнич Ю. Украинизація школы на Пудкарпатській Русі пуд час чехословацького періода. Ужгород: Видавельство В. Падяка, 2009. 52 с.

Судоплатов П. Спецоперації. Лубянка і Кремль. 1930–1950 роки. М.: Олма-прес, 1999. 688 с.

Podkarpatské hlasy. 1925. 13 června. Č. 48.

References

Dumnych, Ju. *Ukraynyzatsiia shkolny na Pudkarpats'kuї Rusy pud chas chekhoslovats'koho peryoda*. Uzhhorod: Vydavatel'stvo V. Padiaka, 2009, 52 p.

Sudoplatov, P. *Spetsoperatsii. Lubianka i Kremel' 1930–1950 roky*. Moscow: Olma-press, 1999, 688 p.

15 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1. Dr. A. Beskid, předseda Národní rady v Prešově, poměr k obyvatelstvu. 16 Ibid.

17 Думнич Ю. Украинизація школы на Пудкарпатській Русі пуд час чехословацького періода. Ужгород, 2009. С. 3–5.

18 Podkarpatské hlasy. 1925. 13 června. Č. 48.

**The position of Subcarpathian Rus' and Rusyns in 1919
in the assessments of Czech officials (According to the materials
of the Prague Archive of the Office of the President of the Republic)**

Kirill V. Shevchenko

Doctor of History, professor

Russian State Social University (Minsk Branch)

220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation

Shevchenko K. V. The position of Subcarpathian Rus' and Rusyns in 1919 in the assessments of Czech officials (According to the materials of the Prague Archive of the Office of the President of the Republic) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 86–94 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

Received: 10.02.2021.

Abstract

The article analyzes the situation in the historical lands of Subcarpathian Rus' and the problems of the local Eastern Slavic population, which became part of the Czechoslovak state right after the First World War in 1918, in the assessments of Czech officials, who visited Subcarpathian region during 1919. Czech officials paid enormous attention mostly to the internal political situation in this region, the relationship between various cultural and national currents among the local Rusyn population, as well as the attitude of local Rusyns towards the Czechoslovak Republic. Most Czech officials were quite critical of the representatives of the traditional Russophile trend among the Rusyns, who considered the Carpathian Rusyns to be part of a single Russian people and focused on the Russian literary language and Russian culture. According to Czech officials, the Russophile trend was distinguished by obvious pro-Hungarian sympathies and a disloyal attitude towards Czechoslovakia. In their opinion, more acceptable for Prague was the so-called “local”, as well as the Ukrainian direction, which focused on the local language and declared loyalty to the Czechoslovak state. It was this circumstance that predetermined the policy of so-called “soft Ukrainization”, which was carried out by the Czechoslovak administration in Subcarpathian Rus' in the 1920s and which gradually contributed to the spread of Ukrainian identity among the local Rusyn population.

Keywords

Czechoslovakia, Subcarpathian Rus', Czech officials, Rusyns, cultural and national policy.